

РОДИТЕЛИ – ВЫПУСКНИКИ ДЕТСКИХ ДОМОВ
ИЗ ОПЫТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РАБОТЫ
РОДИТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «ПОДСОЛНУХ»

Родительский центр
Подсолнух

СУХОРУКОВА Е.В., АНДРЕЕВА Н.В.

РОДИТЕЛИ – ВЫПУСКНИКИ ДЕТСКИХ ДОМОВ

Из опыта профессиональной работы
Родительского центра «Подсолнух»
(методические материалы)

Санкт-Петербург
2014

УДК 159.9.01

СУХОРУКОВА Е.В., АНДРЕЕВА Н.В.

РОДИТЕЛИ – ВЫПУСКНИКИ ДЕТСКИХ ДОМОВ. Из опыта профессиональной работы Родительского центра «Подсолнух». Методические материалы. – СПб.: Издательство «Знакъ», 2014, 36 с.

Методические материалы основаны на многолетнем опыте работы специалистов Родительского центра «Подсолнух» и посвящены социально-психологическим проблемам выпускников детских домов, формированию их родительской роли, а также их детям, которые несут в себе последствия пребывания своих родителей в детском доме.

Адресовано специалистам по социальной работе, психологам, а также всем интересующимся проблемами поддержки детей и родителей – выпускников детских домов, реализующим проекты и программы по профилактике «вторичного сиротства» и формированию здоровой привязанности у детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Настоящее издание опубликовано при финансовой поддержке Благотворительного фонда «Поможем друг другу» (Россия) в рамках реализации программы «Мир моего ребенка» – поддержка семей с детьми, где родители – выпускники детских домов.

На обложке использована репродукция картины Стасиса Красаускаса "Опека" к поэме Ю. Марцинкевичуса "Стена".

© Сухорукова Е.В., Андреева Н.В., 2014

© Издательство «Знакъ», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работая в теме сиротства больше десяти лет, мы стали видеть, что результат нарушения отношений между людьми не сводится лишь к фактическому лишению человека его домашнего кровя и окружения родных. Такое видение появилось, потому что мы сами провели длительную работу, изучая свои семьи, в которых выросли, и, исследуя вопрос, почему мы в своей жизни нашли место для такой благотворительной деятельности как работа с детьми и родителями, которые были лишены в детстве тепла и заботы своих родителей.

Во время нашей работы с родителями бывшими сиротами на этапе адаптации мы отмечали, как менялись, пытались отойти от своего жизненного сценария семьи, однако, как только непродолжительное время они оставались без поддержки, все возвращалось на круги своя. Почему? Потому что их жизнь богата опытом приспособления и выживания в любых условиях хронического стресса. А как жить в другом мире - в мире порядка, традиций, доверия? У них нет даже представления об этом. Это правда, что им очень трудно довериться миру, людям, своему мужу, ребенку. «Мы сильные, мы выживем, через все пройдем, и все у нас будет также и даже лучше, чем у домашних», - вот неизменный девиз, привычный «статус-кво». И снова война...

Неоценимый вклад в наше понимание потребностей детей и их родителей - выпускников детских домов, дал практический опыт сопровождения семей в условиях их домашнего проживания и ведения семейной программы профессиональной помощи в рамках

деятельности общественной организации «Родительский центр «Подсолнух» с 2007 года.

Наша работа по семейной программе «Мир моего ребенка», а также исследования последствий депривации и обучающая деятельность, позволили нам познакомиться со многими людьми, чья жизнь поразительно похожа на жизнь взрослых выпускников детских домов, но которые не оказались в силу разных причин в сиротских учреждениях и могли определить свои проблемы и симптомы, имевшие место в семьях, в которых они выросли. Возможно, проблему разрыва эмоциональных связей носят в себе несчетное количество людей, многие из которых пережили «сиротство» в своей жизни. Будучи ребенком, достаточно на короткое время оказаться оставленным или безответным, чтобы в эмоциональной памяти запечатлелся такой опыт. Осознав свой опыт, становится легче присоединиться, понять и разделить боль покинутого ребенка, оказавшегося под опекой государства.

Лица, принадлежащие к группе людей — выпускников детских домов, в своих страданиях не чувствуют себя защищенными, они не могут найти оправдания своим проблемам и потому не ищут помощи. Чувствуя определенную неполноценность, они не могут ее объяснить. Став взрослыми, они пытаются что-то с этими чувствами сделать.

Мы неравнодушны к этой группе людей, и наш профессиональный и человеческий опыт убеждает нас, что в своей работе мы ищем и двигаемся в верном направлении. Именно это побудило нас написать эти материалы и поделиться профессиональными наблюдениями.

Значительная часть молодых людей, лишенных в детстве родительского попечения, воспитанники детских домов, самостоятельно не могут адаптироваться к жизни в обществе. После выпуска из детского дома они продолжают жить узким кругом своего сообщества в виде «мини детских домов», не заявляя о своих трудностях, не обращаясь за помощью, уходя в тень и представляя потенциальную группу риска. Таким образом, государственные службы помощи в России находятся в неведении жизненных проблем большинства молодых людей – выпускников сиротских учреждений.

Молодые люди – выпускники детских домов, часто создают семьи внутри своего сообщества, или воспитывают детей в одиночку. Эти молодые родители воспитывались без своей семьи и родительской заботы, у них нет родственников, дружественных им взрослых людей, которые могли бы помочь им справиться с актуальными трудностями. В таких семьях повышен риск попадания ребенка в детское сиротское учреждение из-за того, что родители не справляются со своими обязанностями. Таким образом, молодые семьи, где родители – бывшие воспитанники детских домов и интернатов, нуждаются в оказании им необходимой профессиональной социальной и психолого-педагогической поддержки в преодолении трудностей социальной адаптации и во взаимоотношениях со своими малолетними детьми.

В методичке будут поставлены основные вопросы, которые важно учитывать специалистам в работе с выпускниками детских домов: особенности личности, причины возникновения этих особенностей, потребности выпускников. А также мы представим

собственный опыт работы с выпускниками и созданными ими семьями.

Мы признательны людям, которые помогали сделать эту брошюру реальностью:

Ирине Яновне фон Шлиппе и Саре Гейл, которые поверили в наши идеи, были и остаются с нами, также нашим единомышленникам – коллегам за вдохновение и поддержку.

А также всем семьям, которые доверили нам говорить от их имени, и особенно за их интервью.

Надеемся, что представленный материал будет полезен специалистам, работающим в сфере поддержки выпускников детских домов.

ГЛАВА I.

ДЕТСКИЙ ДОМ – ПРОБЛЕМА НЕ ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

XX век со своими тремя разрушительными войнами (первая мировая, гражданская, Великая Отечественная), революцией 1917 года, террором 20-30-х годов, а также последствиями перестройки конца 80-х – начала 90-х годов породил истоки «социального сиротства» в России. В наше время появился социальный феномен – «вторичное сиротство» – представляющий собой отказ опекунов или усыновителей от приемных детей, а также нежелание выпускников сиротских учреждений воспитывать собственных детей. Став родителями, выпускники детских домов зачастую не могут создать полноценную семью и дети, рожденные в их семьях, сами оказываются в детских домах.

С целью предупреждения фактов «вторичного сиротства» государственными и общественными организациями ведутся профилактические мероприятия, благодаря чему у детей появляется шанс жить в семье, а не в детском доме. Как показывает наш длительный опыт ведения программы помощи семьям выпускников детских домов, согласие родителей самостоятельно воспитывать своего ребенка еще не является окончательным результатом работы. Родители – выпускники детских домов имеют специфические трудности в воспитании своих детей. Перенесенный в детстве травматический опыт разлучения со своей семьей, отсутствие или сильное искажение модели семейных отношений накладывает особые условия на функционирование всей семьи. Родители, усвоив опыт коллективного воспитания, переносят его в повседневную жизнь, таким образом, дети получают

воспитание в «мини-детском доме». В своей работе мы утверждаем, что дети выпускников детских домов продолжают страдать от последствий той системы, в которой выросли их родители, хотя они ни дня не провели в детском доме.

Становится очевидным, что детский дом является проблемой не одного поколения. Профессиональная поддержка и сопровождение семей выпускников на пути социализации, формировании и развитии детско-родительских отношений позволит снизить влияние на детей последствий психологических травм их родителей и улучшить качество жизни всей семьи.

О специфических проблемах семей-выпускников мы поговорим ниже. Для того, чтобы разобраться в них, нам необходимо начинать с самого начала – проблем детей, воспитывающихся в детском доме.

К началу XXI века в России, к большой радости многих специалистов социальной сферы, появилось довольно много переведенной зарубежной профессиональной литературы, видеофильмов, интервью на тему влияния на ребенка воспитания в условиях детского дома (дома ребенка, интерната и т.п.). Наше общество – как гражданское, так и профессиональное – стало прислушиваться к важной информации о влиянии на ребенка материнской депривации и последствий нарушения привязанности. Только в наше время мы начинаем придавать значение научным данным, полученным специалистами в сфере работы с детьми и семьями, еще в середине XX века. В этой связи важно вспомнить работы Р. Шпица, Д. Боулби, Й. Лангмайера и З. Матейчика. (В приложении вы можете найти ссылки на их работы).

В этих работах авторы приводят такие важные понятия как - материнская депривация, нарушение привязанности. В современных информационных источниках мы находим пояснения к этим терминам:

Материнская депривация

Депривация (лат. *Deprivatio* – потеря, лишение) – психическое состояние, вызванное лишением самых необходимых жизненных потребностей (таких как сон, пища, жилище, общение ребёнка с отцом или матерью, и т.п.) либо лишением благ, к которым человек был привычен долгое время. (Википедия)

Депривация (от позднелат. *deprivatio* – потеря, лишение), сенсорная недостаточность или недогрузка системы анализаторов, наблюдаемая у человека в условиях изоляции или при нарушении работы основных органов чувств. (БСЭ)

Нарушение привязанности.

Привязанность – 1. вообще – эмоциональная связь между людьми, порождающая взаимные ожидания эмоционального удовлетворения; 2. в психологии развития – эмоциональная связь между детьми и родителями (другими взрослыми). Проявления привязанности у детей к заботящимся о них взрослым людям характеризуют следующие основные признаки. Дети: а) не боятся взрослых; б) сильно восприимчивы к заботе со стороны взрослых; в) у ребёнка легко появляется тревога при разлуке с последними. Кроме того, у детей, привязанных к взрослым, формируются адекватные интересы и увлечения, как бы вторичные привязанности к просоциальным объектам и занятиям. Принято считать, что человеческая привязанность развивается на основе врождённой потребности в

эмоциональной близости. (Жмуро В.А. Большая энциклопедия по психиатрии, 2-е изд., 2012 г.)

Что дает нам эта информация, как специалистам в работе с людьми, прошедшиими детский дом?

Проведенные исследования говорят о связи между разлукой ребенка с матерью или другим близким ухаживающим человеком и нарушениями практически на всех уровнях развития личности ребенка, а также его физического развития. Попросту говоря, мы понимаем, что ребенок, выросший вне семьи, без индивидуальной заботы и внимания к своим потребностям, с большой долей вероятности будет иметь отставания и/или нарушения в эмоциональном, интеллектуальном, речевом, физическом развитии. А последние исследования говорят и о нарушении нравственного развития как последствия нарушенной привязанности («отсутствие совести»). То есть - это будет «трудный» ребенок, который вырастет в «трудного» подростка и в неадаптированного взрослого человека.

В настоящее время, опираясь на накопленный опыт специалистов (психологов, неврологов, педагогов и т.д.), мы можем выделить как минимум три фактора, влияющих на формирование особенностей личности ребенка в условиях группового воспитания.

1) Нарушенная привязанность.

Можно понимать привязанность, как желание близости. Ребенок рождается с потребностью быть привязанным к кому-то, быть эмоционально выбираемым. У ребенка без своей заботливой семьи, воспитывающегося в группе таких же эмоционально голодных детей, эта потребность находится в сильнейшем дефиците. Ребенок стремится привязаться

к конкретному человеку, радоваться только ему и в ответ получать такое же индивидуальное внимание только для себя. Но в условиях группового воспитания, при частой смене лиц вокруг, при непредсказуемой для ребёнка смене места жительства, это практически становится невозможным. В лучшем случае формируются обрывочные воспоминания о каком-либо конкретном человеке (воспитатель, повар, няничка), который был особенно неравнодушен и ласков, посвящал чуть больше своего времени, чем остальным детям.

Специалистами написано много книг на тему нарушения привязанности, выделены типы, формы привязанности, их конкретные проявления и отличия. В нашу задачу не входит углубление в эти знания. Но нам важно разобраться, к чему приводят нарушения привязанности? Как сам ребенок чувствует себя и каким ему видится мир? Ребенку (а затем и взрослому) с опытом разорванных, неустойчивых привязанностей трудно установить близкие отношения, довериться, вступить в конструктивные отношения, договориться. В русском языке даже можно встретить формулировку для людей, которые никем не дорожат, не имеют авторитетов – «отвязанный». Слово однокоренное с «привязанностью». Внешне мы можем наблюдать проявления нарушений на уровне построения контакта. Специалисты могут наблюдать несколько основных типов поведения своего клиента-выпускника.

а) Молодой человек крайне насторожен, с трудом идет на первые контакты, склонен избегать лишней встречи или телефонного разговора. Если был установлен первичный контакт, но клиенту показалось, что вы не очень к нему внимательны, то сразу идет откат назад в отношениях. Специалисты

говорят: «Расстались очень дружелюбно, а пришла к нему в следующий раз и как будто все заново. Как будто первый раз меня видит». Выпускник не признает, особенно на людях, что у вас с ним сложились какие-то особые отношения доверия. Это так называемая стратегия избегания.

б) Молодой человек внешне легко идет на контакт, быстро соглашается на любые встречи, звонки. В скором времени вы можете услышать, что только вы тот самый незаменимый специалист и человек в его жизни. Только вы помогаете так, как никто. У специалистов создается впечатление, что с таким типом клиентов будто бы легче работать. Но это только внешняя оболочка. Когда дело доходит до реальных действий и изменений, клиент может также начать избегать контактов - врать, пытаться манипулировать специалистом через чувство вины или сформированную личную симпатию.

Мы не сомневаемся, что вы также можете добавить в эту копилку еще несколько типов поведения, по которым идут выпускники при выстраивании контакта. Важно понимать, что это поведение НЕ направлено лично на нас, оно сформировано из опыта, прожитого ребенком и сделавшего свои выводы о жизни и выживании. Это знание в критический момент может придать нам сил и необходимой трезвости в решениях.

В чем потребность человека с нарушением привязанности? Она все та же, только сильно пораненная - потребность в доверительных принимающих близких отношениях. В этом трагедия человека с глубоким нарушением привязанности - он стремится к близости всей душой, но то, что он может показать миру, отпугивает от него людей. Эти нарушения справедливы не только в системе клиент-

специалист, но и в близких интимных отношениях, при создании семьи, в отношениях с детьми.

Какие чувства у человека с трудностями в выстраивании привязанности? Рядом все время живет страх душевной боли, неоднократно пережитой когда-то.

Таким образом, в процессе реабилитационных мероприятий необходимо учитывать потребности клиента в получении опыта новой исцеляющей привязанности.

2) Слабая сформированность самоидентификации.

Идентификация в философии — установление тождественности неизвестного объекта известному на основании совпадения признаков.

Каждому человеку перед тем как понять для себя «Куда мне идти?», нужно знать ответ на вопрос — «Кто я? Откуда я?». Большинство детей/подростков из детского дома обладают весьма смутной информацией о своей личной истории. Особенно, если ребенок всю свою жизнь провел в государственных учреждениях. Обычно от ребят до подросткового возраста принято скрывать информацию об их биологической семье. В результате, когда подросток в одиночестве становится счастливым обладателем своего «Личного дела», он под этим неподъемным эмоциональным грузом не способен самостоятельно соединить все факты своей биографии, сделать ее реальной, а не выдуманной. И задача принятия своей жизненной истории в одиночку становится невыполнимой.

Эмоциональные блоки непонимания и обиды препятствуют поддержанию контакта с родственниками. В результате молодой человек выходит в жизнь с ощущением, что он как «перекати-поле». Никому не нужен, никому не интересен, а значит, и он также не

будет никем интересоваться и заботиться о своей жизни.

Что мы можем наблюдать как специалисты при нарушениях самоидентификации? Клиент с трудом рассказывает свою жизненную историю, путается в датах, событиях или откровенно фантазирует. Целые периоды жизни как будто стерты из памяти. С резким отвержением реагирует на попытки родственников поддерживать контакт или пользуется этим контактом только в материальных целях.

Подчеркиваем: в работе важно не его самокопание в ужасах насилия, которое ему пришлось пережить, а в признании фактов его жизни.

Что чувствует человек с нарушенной самоидентификацией? По описаниям самих выпускников – это чувство пустоты, оторванности, глубочайшего одиночества, которое не перебивает даже постоянное нахождение в «своей тусовке».

Таким образом, в процессе реабилитации необходимо учитывать потребность клиента в упорядочивании фактов своей жизни, их понимания, и в итоге принятия своей личной истории.

3) Влияние депривационного опыта на развитие функций головного мозга. Зарубежный опыт исследований показывает, что младенец является максимально уязвимым к воздействию «плохой» среды. Организм ребенка сенситивен к тому, что происходит вокруг, к уходу, к среде. Если среда не соответствует потребностям ребенка, то возникает стойкая задержка в развитии. Также специалисты доказали, что «...у детей, живущих в неадекватных условиях, в нервной системе появляются химические

вещества, вызывающие смерть клеток мозга...». (6, с.92) Если стресс для ребенка оказывается достаточно продолжительным, то исследовательская система ребенка отключается. Главным становится – поиск привязанности. Как мы понимаем из описания, развитие ребенка страдает как в условиях детского учреждения, так и в условиях неблагополучной семейной среды.

Стресс, связанный с пренебрежением потребностей ребенка, приводит к ухудшению естественных процессов: принятие и переваривание пищи, борьба с инфекциями, восприятие и усвоение полезной информации и др. Из этого можно понять, почему дети в условиях группового воспитания или в неадекватной семейной среде отстают в физическом развитии, чаще болеют.

Психологическая травма или стресс, связанные с межличностными отношениями (прежде всего травма привязанности), в первую очередь воздействуют на орбито-фронтальные отделы головного мозга. За что отвечает эта часть мозга? За социальную адаптацию, управление настроением, эмоциями, формирование ответственности. Таким образом, тот опыт, который получит ребенок в раннем детстве от своего окружения, будет влиять на регулирование проявлений агрессивности, переработку информации социального и эмоционального характера, способность справляться со стрессами, а также умение сочувствовать и сопереживать другим.

Из вышеописанного мы можем предполагать о глубинных процессах нарушений у выпускников детских домов. И невозможно объяснить стойкие отставания в развитии ребят только педагогической запущенностью,

отсутствием необходимой информации или образования. Когда клиент забывает через день полученную от специалиста информацию, не способен удержать в голове сложный текст, трудно ориентируется в пространстве (и даже во времени) – все это признаки определённых последствий нарушений на уровне головного мозга.

Мы, как специалисты должны учиться быть доступными клиенту, обращаясь к его реальному уровню развития.

Ребята попадают в мир, который кажется им непонятным, слишком сложным. А возможности обучения могут быть объективно сильно ограничены. Заметим, что мы говорим не о ребятах с инвалидностью. Это справедливо и для ребят из условной группы «норма». Важно больше придавать значение форме подачи информации, подбору доступных слов и значений, а также способам формирования навыков определенного поведения.

Чтобы наша помощь была точна и эффективна важно понимать особенности тех людей, с которыми мы работаем. Специалисты-практики дают следующие основные характеристики выпускнику детского дома.

- ✓ Инфантильность;
- ✓ Иждивенчество;
- ✓ Трудности в социализации;
- ✓ Склонность к рискованному поведению.

Мы попробуем поближе узнать ключевые из них – инфантильность и иждивенчество.

Инфантильность - это незрелость развития, сохранение в физическом облике или поведении черт, присущих предшествующим возрастным этапам. В чем проявляется инфантилизм? Слабоволие, нежелание брать на себя ответственность, преобладание игровых интересов, быстрая пресыщаемость, стремление идти по пути наименьшего сопротивления, делать только то, что нравится, а не то, что надо, представление о том, что все должно сложиться само собой, отсутствие интереса к пониманию того, как устроена жизнь. Для инфантильного человека вся жизнь - игра, в которой одни права и никаких обязанностей. Последствия - подавленное психологическое состояние, которое может вести к поиску разрядки психологического напряжения в виде зависимостей или проявления агрессивного поведения. Именно такие <характеризующие> черты инфантильности напоминают портрет выпускника детского дома.

Противоположное понятие инфантилизму - самостоятельность, которая предполагает внутреннюю свободу, своеобразие, независимость, способность самому, без подсказки извне, принимать и проводить в жизнь важные решения, ответственность, готовность отвечать за последствия своих поступков, убеждение в том, что такое поведение реально, возможно и правильно.

Что происходит с формированием самостоятельности на пути становления личности ребенка в стенах детского дома? Разве воспитатели, социальные педагоги и все другие взрослые не говорили детям об ответственности? Почему же тогда все эти разговоры не приносят ожидаемых

результатов? Ответ будет очень прост: самостоятельность ребенка формируется непосредственно из его жизненного опыта. С трех лет у ребенка наступает период инициативы: «Я сам» и если взрослые поощряют стремление к самостоятельности, то это залог развития самостоятельности, но если инициативы ребенка сковываются и его детские неумелые попытки отрицаются, караются, у ребенка возникает чувство беспомощности и чувство вины. В системе детских домов заложено коллективное воспитание, где проявление воли ребенка не приветствуется. В результате подавленное стремление ребенка к самовыражению приводит в период пубертата к бунту и выбору антисоциальных ролей, которые нетрудно себе представить если твоя личная история - это история социального сироты.

В результате молодые люди не могут решать жизненные проблемы самостоятельно, испытывают трудности в общении со сверстниками, перекладывают ответственность за свою жизнь на другие плечи. Опросы среди выпускников детских домов показывают, что даже через шесть лет после их выпуска только 25% могут назвать сами себя самостоятельными, а 75% чувствуют себя отличающимися от других, «ничейными», находятся в позиции «один против всех».

Иждивенческая позиция - желание удовлетворять свои потребности без затрат энергии, получать все, что нужно для жизни, ничего для этого не делая формирует потребительский образ жизни. Однако иждивенческое отношение к жизни не проявляется мгновенно, оно формируется постепенно, нередко

культивируется окружающими взрослыми. И, как следствие, отсутствие привычки к труду приводит к неприятию труда, и становится жизненной позицией молодого человека.

Естественно для ребенка быть иждивенцем у своих родителей, быть привязанным к ним, наблюдать разные материальные возможности семьи - сегодня нельзя сделать желанную покупку, а завтра в семье есть деньги. Ребенок видит своих родителей, которые зарабатывают деньги трудом, знаниями. За чей счет живет ребенок в детском доме? За счет какого-то абстрактного для него государства, которое он в глаза не видел. Государство должно одеть, обуть, дать образование (даже если ты не хочешь), предоставить жилье, льготы и т.д. Если государство не справляется по мелочам - одежда, мебель, досуг, то найдутся добрые спонсоры. Только ужас в том, что ребенок, подросток не верит в то, что наступит время, когда все закончится и после 23 лет уже никто не будет должен, а слова «тебе должны» вдруг превратятся в «ты должен!». И единственная возможность заполучить клиента-выпускника на социальное сопровождение в период адаптации к самостоятельной жизни - это объявить ему: «У тебя есть неоформленные льготы, тебе должны...». С каким облегчением молодые люди идут на контакт с социальными работниками, когда слышат знакомые с детства тексты. «Ну вот, теперь все в порядке, снова МНЕ должны». И искренне негодуют, когда тот же социальный работник говорит не о правах, а об обязанностях. И тогда на встречи он не приходит, на звонки не отвечает, «уходит на дно».

Подведём итог вышесказанного. Создавая службы сопровождения и программы поддержки выпускников детских домов и созданных ими семей, мы, как специалисты, должны учитывать глубину пережитых психологических травм и многообразие факторов риска, влияющих на формирование личности наших клиентов и их детей.

ГЛАВА II

РОДИТЕЛИ – ВЫПУСКНИКИ ДЕТСКИХ ДОМОВ

Родительский центр «Подсолнух» ведет семейную программу «Мир моего ребенка». Участниками этой программы являются семьи с детьми, где родители – выпускники детских домов.

За семь лет практической работы вот что удалось нам узнать о выпускниках детских домов в качестве родителей. Многие из выпускников стремятся создать семью, о которой они всегда мечтали, но не имели в детстве. У них есть представление, что они будут намного лучшего о себе мнения, если эту задачу выполнят. Многие родители-выпускники смогли изменить внешний облик своих новых семей, чтобы они не были похожи на семьи, из которых они сами вышли: никто не пьет, не кричит, не дерется, не грозит уходом. Это желание противостоять тому будущему, которое прочили им в детском доме: «Ты будешь как твои родители». Поэтому первой задачей стоит вернуться в свой детский дом, чтобы показать своего ребенка и заявить о новом социальном статусе. Пока родители чувствуют себя под внешним контролем, они справляются с собой, но в повседневной жизни идеальная картинка семьи рушится. И тогда семья уже использует все то, чему научил опыт выживания в детском доме. Уже в качестве родителей они дают теперь двойные установки своим детям, говорят то, что они должны сказать детям, но не способны ни претворить это в жизнь, ни руководить этим процессом. Примерами таких установок могут быть следующие:

«Будь самим собой, но делай это правильным путем».

«Ты очень, очень, очень нужен мне».

«Меня волнуют твои чувства, но я не выдержу, если ты расскажешь о них мне».

«Я знаю, что у тебя нет проблем».

Выпускники детских домов в качестве родителей всячески стремятся показать свою любовь, совершая «правильные» поступки, предполагая, что в этом случае дети больше оценят их родительские чувства. Но при этом чаще всего отсутствует задушевность отношений, нет подлинной свободной и открытой любви, проявляющейся как на словах, так и на деле. Родители с пониженным чувством собственного достоинства боятся быть отвергнутыми и, возможно, покинутыми своими детьми (или кем-либо) и остаются постоянно обороняющимися, даже в своей родительской роли.

Под влиянием фокусировки на внешнее окружение родители осуществляют свои обязанности по модели: «Делай, как я говорю, но я сам не могу сделать это». Они внушают своим детям: «У тебя все получится, ты — нормальный человек». Однако, сами они, не обладая в достаточной степени чувством собственного достоинства, продолжают жить как жертвы обстоятельств — слишком обиженные, слишком бедные, слишком необразованные, слишком замкнутые, чтобы сделать то, что они рекомендуют своим детям. Часто их браки не сохраняются, характеризуются отсутствием любви, близости и общения. Несмотря на собственный образ жизни, они отчаянно хотят, чтобы их дети делали все по-другому.

Родители постоянно моделируют свое будущее. Такое моделирование является способом ожидания, что проблемы исчезнут сами собой, люди изменятся,

возникнет благоприятное стечие обстоятельств, позволяющее исправить ситуацию.

В твердой решимости преодолеть боль и обиды своего детства, родители учатся языку здоровых семей (за исключением языка чувств), а также тому, как показывать внешний облик функционирующей семейной системы. Они предпринимают искренние, но тщетные усилия убедить себя и своих детей, что у них все хорошо.

Родители не перестают верить, что могут добиться близости и в своих браках, и в отношениях со своими детьми, полагая, что одного желания уже достаточно, чтобы это произошло. Однако, будучи неспособными иметь свои собственные чувства и выражать их открыто или подобающим образом, они не могут научить этому своих детей. Они понимают, как должно это быть, и даже могут словесно описать своим детям, как те должны выражать свои чувства, но, поскольку они сами сделать этого не в состоянии, словесные наставления не принимаются детьми всерьез.

Родители могут вызвать своих детей на откровенность, но затем уйти в сторону, сменить тему разговора, дать малозначимый совет или, наоборот, отреагировать слишком бурно. Тонко чувствуя неудобство или душевную боль своих родителей, дети скрывают свои эмоции. Ребенок может научиться выражать только то, что адекватно воспринимается родителями.

Например, если ребенок, каждый раз выражая свою боль матери, замечает, что она выглядит встреможенной, то он всегда будет испытывать огорчение, говоря ей вновь о своих чувствах. Такая реакция ребенка бессознательна и редко высказывается вслух.

Дети активно реагируют на искренний контакт. Старания родителей, однако, нейтрализуются из-за возвращающегося к ним страха быть отвергнутыми или покинутыми даже своими детьми. Вместо открытого выражения этого страха родители пользуются хорошо знакомой им практикой выживания, которая помогла им когда-то: замкнутость, молчание или вспышки раздражения. Даже позитивная активность детей может приобретать для родителей экстремальную окраску. Спонтанная активность детей, в которой они становятся в центре внимания, выводит родителя из себя. И совместное времяпрепровождение семьи может рассматриваться родителями, как мера принуждения давно знакомая с детского дома - отсутствие выбора и климат суровости приводят к мысли, что необходимо вести себя так, «как будто это весело».

Неспособность обратиться за помощью к родителям также оказывает свое влияние на взаимоотношения с детьми и на атмосферу в доме. Необходимо помнить, что родители вложили колоссальные душевые силы, чтобы «сделать все по-другому», чем было в семье, где они выросли, они должны быть уверены, что создаваемая ими семья совсем не похожа на ту, из которой они вышли. Их чувство собственного достоинства зависит от их способности «успешно добиться этого».

На постоянно возникающие в обыденной жизни проблемы семьи родители реагируют преувеличенно: как бы ничтожна ни была проблема, они или фиксируются на ней и контролируют ситуацию, или вообще отрицают существование проблемы. Обсуждать проблему, особенно вне семьи, искать помощи у друзей или врачей означает для них публичное признание своей неспособности.

Подводя итог, можно заключить следующее. Ущерб, наносимый детям, выросшим в детских домах, становится все более очевиден для специалистов и привлекает все большее внимание широкой общественности с помощью средств массовой информации. Вместе с тем признание проблем родителей у выпускников детских домов приводит к мысли, что негативные последствия являются главным образом результатом их воспитания в детском доме.

В своих искренних усилиях создать семью, непохожую на ту, из которой вышли они, выпускники детского дома стремятся исключить очевидные негативные моменты поведения и создать видимость здоровой семьи. Отсутствие безусловной любви, открытого выражения чувств и других необходимых компонентов семейных отношений оставляет их детей без адекватной подготовки к жизни, таким образом, воспроизводя те же самые негативные модели в их будущей жизни. Перечисленные выше характерные черты родителей являются препятствиями для полноценного выполнения ими родительских обязанностей и влияют на воспитание еще одного поколения детей выпускников детских домов.

ГЛАВА III

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОРГАНИЗАЦИЮ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ – ВЫПУСКНИКАМ ДЕТСКИХ ДОМОВ

Людям с сиротским опытом трудно создать семью. Часто их партнерами становятся такие же молодые люди из детских домов или из неблагополучных семей («скрытые» сироты). Можно предполагать с самого начала трудности, которые возникают в такой семье при появлении ребенка:

- нарушения ранних взаимодействий с детьми;
- пренебрежения физическими и эмоциональными нуждами ребенка;
- физическое насилие в силу низкой родительской компетентности, а также в силу проигрывания родителями своих детских травм;
- игнорирования ребенка (взаимодействие по образцу);
- конфликтные взаимоотношения между супругами, тенденции распада семьи, когда ребенок маленький;
- социальная изолированность семьи: дети не наблюдаются в детской поликлинике и не получают своевременно врачебную помощь, также не посещают дошкольные учреждения, отсутствует досуг ребенка;
- спутанные детско-родительские роли – у родителей отношение к детям как вполне самостоятельным, ожидания к детям как к своим родителям – чтобы дети их утешали, удовлетворяли их потребности, понимали их без слов, ничего не требовали, подчинялись их воле беспрекословно.

Такие родители относятся к группе немотивированных клиентов и труднодоступные для выявления и оказания им помощи. Помимо социально-экономических, бытовых и правовых проблем основными становятся психологические трудности. Поэтому, если мы будем знать какой ущерб наносит человеку его история сиротства, то можем точнее понимать его потребности и тогда, используя свою профессиональную компетенцию, сможем оказать ему необходимую помощь.

В своей повседневной работе с семьями мы опираемся на некоторые специфические потребности этой группы родителей:

- установление доверительных отношений;
- восстановление истории своей кровной семьи;
- формирование идентичности.

Многолетний опыт работы и близкого общения с взрослыми людьми – выпускниками детских домов детей помог создать программу помощи этим семьям, как детям, так и самим родителям.

Личные беседы с участниками программы – родителями-выпускниками детских домов дали нам возможность услышать истории их жизни, которые до этого не были способны объяснить всю взаимосвязь событий их жизни.

Почти каждый из группы соглашался быть проинтервьюированным для наших исследований. Уже сама по себе их отзывчивость говорила о том, что они хотят, чтобы другие тоже смогли решить свои проблемы. Те, кого мы смогли опросить, согласились на публикацию этой информации, с тем чтобы она стала доступна другим ребятам из детских домов.

История Ольги.

Ольга, 30-летняя женщина, мать троих детей, проходя семейную программу «Мир моего ребенка», обнаружила, что стала воспринимать себя в роли матери лишь теперь, воспитывая младшую дочь: «Мальчики как-то сами выросли, с ними я делала все на автомате и чувств никаких». Ее мать тоже выросла в детском доме. Нашла ее Ольга, когда сама родила уже двоих детей. «Найти-то я ее нашла, а чувств к ней нет никаких, пусть хотя бы дети мои знают, что у них есть бабушка». О своей схожести с матерью Ольга открыто говорит на родительских группах, о характерных чертах, присущих сиротам. Озабоченная отсутствием детско-родительских чувств Ольга начала индивидуальную психотерапию, не имея представления о прямом влиянии ее личной истории на ее семью и на ее собственную жизнь.

В дополнение к описанным проблемам Ольга сообщила о своих проблемах с мужем и в области отношений с людьми из ее круга. Она говорила о себе, как о человеке с очень низкой самооценкой, готового всегда прийти на помощь, выручить при любой ситуации, приютить и накормить тех, кто из «нашего» круга, но очень трудно устанавливать отношения с другими, те, которые не знают, кто такие мы – выпускники детских домов и никогда не смогут нас понять. Ее взаимоотношения с мужем постепенно налаживались благодаря прохождению терапии, но чувства к детям продолжали быть болезненными и напряженными.

Она испытывала большое внутреннее стремление сблизиться с матерью, хотя не чувствовала себя готовой или способной сделать это. Она была первым

ребенком, старшей девочкой из троих детей. У нее есть брат и сестра, но она считает себя не из их семьи. У нее были представления о своей жизни в семье примерно до семи лет, а потом она предполагала, что что-то случилось неотвратимое и она оказалась в детском доме. Но в жизни все оказалось иначе. Ольга оказалась в детском доме почти с рождения, от нее отказалась мать, как и когда-то ее бабушка отказалась от своей дочери. Мать никогда не навещала ее в детском доме, а брат и сестра не знали о ее существовании. Обретя кровную семью Ольга фактически вернула своих брата и сестру, но психологически она держится на расстоянии, описывая их отношение к ней как наставников. «Они знают, что я должна делать, чего нет, какой я должна быть и т.д., утомляют».

«После выпуска из детского дома я ушла учиться, чтобы не влиться в плохую компанию, получила профессию и опять поступила учиться, идти было некуда, комнату дали не сразу. А когда получила комнату, то на руках уже был сын. И что с ним делать, спасибо соседка подсказала, что мыть его надо, по всяким вопросам звонила в «скорую помощь». Ощущала себя покинутой, а тут еще следом родился второй сын. Муж пил и работал, а я одна с детьми. О третьей беременности узнала не сразу, но очень обрадовалась, когда поняла, что будет девочка».

Вопреки видимости нужной «многодетной матери» Ольга чувствовала себя одинокой и растерянной. Участвуя в группах, она наконец-то стала снимать с себя этот образ и признаваться себе, что не испытывает чувств к детям. «Я часто сама хотела, чтобы ко мне подошли сотрудники Центра и спросили, чем мне помочь. Ведь у меня столько боли накопилось,

что хотелось кому-то все высказать, а тут еще и дети. Когда я поехала первый раз вместе с центром в семейный лагерь мне было реально тяжело. У меня был срыв, мне хотелось убежать, спрятаться. Но мне нужно было решать свои проблемы, я хотела открыться полностью, а вместо этого я срываюсь, всем хамила, не могла открыто просить о помощи. Во второй раз было полегче, и я заметила, что я делаю и чего ожидаю. Однажды моя дочка капризничала за обедом, отказывалась от еды, все ей было не так то, что я делала, тогда я взяла и ушла, в итоге сама осталась голодной. Я ожидала, что за мной придут специалисты, чтобы со мной поговорить, но никто не пришел. И моя дочка ничего не поняла, что произошло, хотя все остальные мамы-мои подружки просили ее извиниться передо мной, но она ничего не поняла и не извинилась. Мне тогда было очень больно, я не знала, как быть, дома я ее бы просто игнорировала бы или просто накричала, но там это было невозможно. Потом мне это время часто снилось. Меня мучила эта история, и я боялась себе признаться, что в то самое время мне нужна была помощь, я действительно не знала, как мне поступить в той ситуации кормления с дочкой. У меня трое детей, но я не научилась просить помочь, когда она мне нужна, вместо этого я убегаю, замыкаюсь и думаю, что за мной должны бежать, чтобы эту помочь предложить. Мне понадобилось три года участия в программе, чтобы я призналась себе в том, что я нуждаюсь в помощи и могу ее открыто просить.

За все время посещения программы я многое узнала, как вести себя с дочкой, как принимать ее капризы, откликаться на ее просьбы, что в разговоре с ребенком надо смотреть ей в глаза, уметь с ней разговаривать, играть и когда я не ходила в Центр,

то мне этих встреч очень не хватало. Сколько всего я упустила со своими сыновьями, надо было мне начинать тогда, когда они были еще маленькими, чтобы не потерять связь с ними, потому что сейчас очень тяжело начинать. Когда я с дочкой на занятиях «Играем вместе»¹ мне очень приятно смотреть на нее как она смеется и радуется тому, что между нами происходит.

В нас столько боли внутри, что нам не справиться в одиночку, все не так как мы думаем. Мы уже взрослые и это нужно нам, чтобы нас кто-то послушал и освободил нас от того, что мы пережили. Помощь тоже надо учиться просить. Но мне пока это очень трудно делать».

Ольга настроена на изменения в своей жизни и понимает, что все требует времени и внутреннего труда.

В 2007 г. работа с семьями строилась исключительно на личном энтузиазме команды единомышленников – трех психологов и двух педагогов с многолетним опытом работы в области профилактики социального сиротства, помощи семье и детям. В течение трех лет мы разрабатывали и вели апробацию программы. В настоящее время программа «Мир моего ребенка» получила рекомендации отечественных и международных экспертов в области психического здоровья детей и социально-психологического сопровождения семей.

¹ Детско-родительская психологическая группа в программе «Мир моего ребёнка».

Проходя данную программу, у семей появляется возможность в специально организованном терапевтическом пространстве наблюдать, обучаться и самостоятельно моделировать здоровые детско-родительские взаимоотношения. Проходя программу, родители отмечают те успехи, которые стали делать в своей повседневной жизни в общении со своими детьми и друг с другом, опираясь на совместно пережитый опыт доверительных отношений. Такие отношения являются ценностью для родителей, испытавших в детстве отвержение со стороны своих близких. Очевидно, что программа не сможет решить всех их социально-психологических проблем, которые будут возникать в будущем, но явится важным этапом, на фоне результатов которого будет происходить дальнейшее развитие взаимоотношений детей и родителей.

Программа рассчитана на интенсивное сопровождение семей на срок от трех месяцев до трех лет и ориентирована на дальнейшую поддержку семей.

Литература:

1. Д. Боулби. Привязанность. Гардарики, 2003 г.
2. К. Х. Бриш. Терапия нарушений привязанности. Когито-Центр, 2012 г.
3. А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. Психология сиротства. Питер, 2005 г.
4. Р. Шпиц. Психоанализ раннего детского возраста. Университетская книга, ПЕР СЭ, 2001 г.
5. Й. Лантгейер, З. Матейчик. Психическая депривация в раннем возрасте. Авиценум, 1984 г.
6. Б. Борьесон, С. Бритен, С. Довбня, Т. Морозова, К. Пакеринг. Ранние отношения и развитие ребенка. М, 2009.
7. С. Файн, П. Глассер. Первичная консультация. Установление контакта и завоевание доверия. М, 2010 г.
8. М. Роуз. Дом, где исцеляются души. СПб, 1999 г.
9. Воспитание и развитие детей в детском доме Хрестоматия Ред сост. Иванова Н.П М. АПО, 1996 г.
10. Лишенные родительского попечительства Хрестоматия Ред сост. Мухина В.С., М, 1991 г.
11. Карл Е. Пикхарт. Руководство для одиноких родителей М 1998 г.

Содержание

Предисловие	3
Глава I.	
Детский дом – проблема не одного поколения	7
Глава II.	
Родители – выпускники детских домов	21
Глава III.	
Профессиональный взгляд на организацию помощи семьям – выпускникам детских домов	26
Литература	33

СУХОРУКОВА Е.В., АНДРЕЕВА Н.В.

РОДИТЕЛИ – ВЫПУСКНИКИ ДЕТСКИХ ДОМОВ
Из опыта профессиональной работы
Родительского центра «Подсолнух»
(методические материалы)

Редактор Кусенко Т.Л.

Корректор Рахманов С.Ф.

Компьютерная верстка Заморина Е.О.

Подписано в печать 04.03.14

Формат 60x84/16

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,08

Тираж 200 экз.

Заказ 0306/01-Р

Отпечатано в мини-типографии издательства «Знакъ»
191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 32-34; офис 9,
тел.: (812) 571-07-33, тел.(812) 571-16-42
www.ooo-znak.ru